

ГЛАВА 12. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖЕМЧУГА В ХЭПУ

Стоило Умину обронить, что ямка на подбородке Уди выглядит весьма многообещающе, как тот мгновенно вспомнил печальную участь констебля Ина из Юнчжоу.

Ин Цзиньюй, человек непомерного самомнения, некогда прислал свадебное приглашение, которое Умин одним щелчком пальца обратил в пыль. Мелочность его природы не знала границ. И если уж с тем, кого он звал своим закадычным другом, он обошёлся так сурово, то Уди, подстроившему ловушку, и вовсе не стоило ждать пощады.

Опасаясь, как бы его собственный «выдающийся» подбородок не разлетелся вдребезги от того же щелчка, Уди навалился на брата всем телом. Уперев колено ему в живот, он нацелился прямо в пах — приём «Золотой удар в промежность» должен был стать последним аргументом в их обоюдном стремлении к самоуничтожению.

Умин вовремя подогнул колени, зажав атакующую ногу. Со стороны это выглядело так, будто Уди, пользуясь беспомощностью больного, вознамерился взять его силой.

Драка окончательно потеряла всякое благообразие. Впрочем, винить в этом стоило лишь Бедствие смерти: с самых юных лет Уди обожал задирать Бедствие болезни. Пара слов — и вот они уже, рыча, катаются по полу, вцепившись друг другу в глотки.

Умин всегда предпочитал тишину. Обладая незаурядным талантом, он, как старший среди смертников поместья Чжуан, стоял над всеми, достигнув того уровня беспристрастности, когда желания отступают перед созерцанием истины. Уди тоже был не обделён способностями, но разум его был слишком суетен, чтобы достичь вершин боевых искусств. Не желая признавать поражение, в пылу схватки он становился лишь яростнее.

Один — одарённый небом, другой — готовый на всё ради победы. Они дрались с детства, тысячи раз, превратив свои потасовки в своего рода местную достопримечательность клана Чжуан. Поначалу юный гений Умин вышвыривал отчаянного Уди одним ударом. Теперь же, чтобы взять верх, ему приходилось пускать в ход хитроумные уловки. Оба не желали смерти противника, но и использовать внутреннюю силу «Пяти признаков увядания», сокращая собственные жизни, не хотели.

Потому их схватка напоминала возню двух мальчишек, завязавшихся в узел. В самый разгар потасовки Умин намеренно открылся и прошептал через передачу звука:

— Уди...

Почуввав, что дыхание брата сбилось, тот с удвоенной силой навалился на «нижние ворота», как вдруг мир перевернулся. Тело пронзила судорожная дрожь, а в ямке под нижней губой, в точке Чэнцзян, вспыхнула нестерпимая боль. Умин, извернувшись, оседлал его и мертвой хваткой вцепился в подбородок, вливая в кость какую-то жгучую, ядовитую энергию.

Поняв, что попался, Уди вскричал:

— Подлец!

На языке — ругательства, а в мыслях — горечь: «Несправедливы небеса! Старший брат только вчера пережил череду тяжелых боев, а сегодня его внутренняя сила всё так же неисчерпаема. Снова применил "Свисающую нить", хотя я никогда не видел, чтобы он упражнялся. Неужели предки и впрямь наделили его таким талантом, что его мастерство растет само по себе?»

Обреченно вытянув шею, он проворчал с напускным безразличием:

— Скука. Вечно ты жульничаешь. Всё, старик больше не дерется!

Умин, не меняя положения, продолжал изучать челюсть своего пленника, поворачивая его лицо то влево, то вправо. Уди лишь злобно косился на него, раздуваясь от негодования. Наконец, зафиксировав голову брата прямо, Умин холодно произнес:

— За вред, причиненный соратнику, полагается кара.

Уди не сдавался:

— Думаешь, я тебя испугался? Я просто пожалел тебя, чахоточного, вот и не бил в полную силу!

Умин пропустил бахвальство мимо ушей. Сосредоточив в меридианах частицу скрытого яда, он перехватил указательный палец правой руки брата и влил струю энергии через точку Шаоян.

Уди дернулся, но тщетно: подбородок зажат, правая рука обездвижена приемом «Три перелома», левая опутана «Свисающей нитью», а ноги придавлены весом брата. Сколько яда уже в него влито — одному небу известно. Очередная порция энергии заставила десны ныть, а щеки — наливаться жаром.

— Что это за отравка? — прошамкал он сквозь стиснутые зубы.

— Этот яд зовется «Бесстыдство», — Умин пренебрежительно ущипнул его за распухшую щеку.
— В народе именуется «Свинкой».

Уди понял, что дело дрянь. Хорошо хоть челюсть уцелела. Когда бой закончится, он вытеснит яд внутренней силой, это не так уж сложно. Расслабившись, он сменил гнев на милость и заговорил тоном заботливого наставника:

— Брат, я ведь не убить тебя хотел. Просто поколотить до полусмерти.

Лицо Умина, покрытое пеплом и полосами запекшейся крови, и без того выглядело краше в гроб кладут. Он молча смотрел на Уди. Тот, чья кожа с восьми лет знала вкус стали, был грубым и упрямым бойцом, но, в отличие от Ин Цзиньюя, не отличался преданностью. Его слова менялись трижды на дню, словно он родился с костью бунтарства в теле. Не уследишь — и он натворит бед. Умин потратил немало сил, пытаясь урезонить его, но теперь, глядя на брата, засомневался: сможет ли он и дальше держать его в узде?

В глубине его глаз на миг мелькнула холодная искра — предвестница смертного приговора.

Уди, не замечая опасности, продолжал:

— А потом я бы запечатал твои меридианы, применил технику «Дыхания черепахи», чтобы Молодой господин поверил в твою кончину. Ты бы инсценировал смерть, ушел из поместья Чжуан и жил бы в свое удовольствие. Брат, мне девятнадцать. Из всех поколений «Пяти бедствий» никто не перешагнул двадцатилетний рубеж. Смерть дышит мне в затылок, так позволь мне хоть перед концом отплатить тебе добром. Дева из Врат Богини тоже сказала, что в Кинлине тебя не ждет ничего хорошего. Глава союза Е — мастер великий, его турнир за руку дочери соберет всех героев Поднебесной. Среди них полно таких, как констебль Ин — и в грамоте сильны, и в бою крепки. А наш Молодой господин и меча-то в руках не держал. Почему же он получил приглашение? Я догадываюсь, какая игра здесь затеяна.

Услышав искренность в его голосе, Умин разжал пальцы и поднялся. Медленным, неверным шагом он подошел к кленовой колонне в восточной части залы. Казалось, он изучает вырезанные на ней родовые тотемы народа мяо.

—... Ты не умрешь, — едва слышно проронил он.

Его голос, переданный через внутреннюю энергию, был до того слаб, словно разум Умина витал где-то далеко. Уди, освободившись от пут и восстанавливая кровотоки, переспросил:

— Что ты сказал, брат?

— Пять признаков увядания бьют по-разному: Бедствие смерти ломает кости и суставы, Бедствие старости крадет молодость, Бедствие заблуждения лишает рассудка, а Бедствие страсти иссушает изнутри. Всё это — лишь расстройство крови и духа, порожденное смятением чувств. Это... не смертельная болезнь.

Уди промолчал, не зная, верить или нет.

— Значит, уходить ты не собираешься?

Умин коротко, бесцветно усмехнулся. Его ладонь легла на резное дерево, и на бледной коже резко проступили косточки.

— Я — лишь оружие семьи Чжуан, — он обернулся, и взгляд его сверкнул, словно сталь, только что покинувшая ножны. — Мое место — на остром клинке. И жизнь, и смерть я вручил этой участи.

Поняв, что разговор окончен, Уди, чья голова раздулась от яда вдвое больше обычного, молча покинул дом.

Убедившись, что брат ушел далеко, Умин привычным движением достал платок и прижал его к лицу. Долго смотрел на красные пятна, затем тяжело побрел к очагу. Бросил платок в огонь и, не снимая сапог, забрался под одеяло. Свернувшись калачиком, он мгновенно провалился в тяжелый сон.

***

Тем временем Чжуан Шаогун, последовав за Ма Минваном, вошел в дом на сваях у самого ручья У. Хозяин ушел переодеться, оставив гостя на попечение жены и дочери. Молодой господин замер у окна, и свежий ветер коснулся его лица.

Облака белыми клочьями отражались в воде. На сверкающих отмелях колыхались метелки камыша, а дикие утки, виляя хвостами, пускали по глади круги. После дождя мир казался прозрачным и чистым.

«Живи я здесь с самого детства, вдали от интриг и раздоров, — подумал он, — был бы счастлив, даже не зная грамоты».

Затем его мысли приняли иной оборот. Природа вечна, человек же — лишь крохотная искра в океане времен, мелькнет и исчезнет. Горы и воды прекрасны, но без человеческого тепла они холодны.

Вздохнув, он обернулся. От скуки он подошел к длинному столу, где лежали кисти, тушь и киноварь. Рядом белели эскизы для вышивок. Шаогун разложил лист бумаги, обмакнул кисть в свежую тушь и принялся рисовать.

— Молодой господин, — негромко позвали его.

Он поднял голову. Красивая девушка с заплетенной у виска косичкой стояла у лестницы, не решаясь войти.

— У вас какое-то дело ко мне, дева? — неловко спросил Шаогун, откладывая кисть.

Девушка подошла к столу. Взглянув на незаконченный рисунок, она вздрогнула.

Шаогун рисовал всего несколько минут, стоя к ней спиной, и она думала, что это лишь мимолетный набросок. Но на листе, край которого свисал до самого пола, уже развернулась величественная панорама. В центре застыла повозка. Смеющийся возница, сидящий рядом юноша и профиль молодого человека в щели занавеса — всё было передано с поразительной точностью.

—... У вас великий дар, — прошептала она, забыв, зачем пришла.

— Это мой старший брат Ма, — Шаогун посмотрел на нарисованного возничего, и глаза его снова повлажнели. — Его больше нет с нами.

Девушка, не зная, кто этот человек, мягко произнесла:

— Примите мои соболезнования. Но у меня есть просьба, и я молю вас не отказывать.

Звали девушку Лань Сяньюй. Она была дочерью богатого семейства из Чэньчжоу, пока в детстве её не похитил Тэн Бао, «Зло насекомых», чтобы отдать Фу Лин в качестве «плакальщицы». Вся её семья погибла. И таких, как она, во Вратах Духовной Настройки были десятки. Теперь Тэн Бао и Фу Лин мертвы от рук Умина и Уди. Остались лишь Ма Минван и Ню Апан.

Плакальщицы не знали, что им делать дальше.

— Я поговорю с дядей Ма, — горячо воскликнул Шаогун. — Я попрошу его отпустить вас на свободу.

Лицо Лань Сяньюй изменилось, она испуганно замахала руками:

— О, нет, ни в коем случае!

— Почему? Разве он не захочет вас отпустить?

— Дело не в этом. Нас похитили детьми, мы годами только и делали, что лили слезы. Мы не обучены ни шитью, ни домашним делам. У нас нет ни дома, ни родных. Даже если кто-то из нас сможет выйти замуж, то лишь на правах прислужницы или наложницы. Мы советовались с сестрами... Нам страшно. Мы боимся идти в мир поодиночке.

Шаогун растерялся. Он и не предполагал, что свобода может быть такой пугающей.

— И что же вы решили?

— Я хочу остаться здесь, во Вратах Духовной Настройки. Секта осталась без главы. Если мы сможем занять в ней свое место и сделаем так, чтобы больше ни одна женщина не пострадала от рук заклинателей, души наших родителей обретут покой.

Чжуан Шаогун замер. Такая амбиция в слабой девушке поразила его. Группе беззащитных женщин предстоит борьба за власть в суровом мире боевых искусств — даже при его скудном опыте он понимал, что это почти невозможно. Но вспомнил слова древних: «Тот, кто замышляет дело, способное перевернуть небеса и землю, должен быть готов идти по тонкому льду».

Раз в ней живет такая отвага, он не вправе стоять в стороне.

— Если вы и впрямь сможете направить Врата на путь истинный и принести мир этим землям, это будет великое благо. Дядя Ма дружен с моим отцом. Не уходите, оставайтесь и разделите с нами трапезу, а я замолвлю за вас слово.

Радости Лань Сяньюй не было предела. Она с готовностью принялась помогать накрывать на стол.

Вскоре вышел Ма Минван. Увидев, как гость и посторонняя девушка суетятся на кухне, он немало удивился. Взгляд его упал на рисунок, оставленный на столе его дочери Сюлань. Поняв, что это работа Шаогун, он подумал, что этот юноша не только талантлив и простодушен, но и на диво работающ.

— Наш племянник — человек необыкновенный! — шепнул он жене.

— И не мечтай, — отрезала госпожа Ма. — Он едет в Кинлинь к дочери главы Е.

Ма Минван сел за стол и усмехнулся:

— Эх, всё из-за моей никчемности. Даже зятя приходится выбирать из тех, кого отверг Глава союза.

Они говорили открыто, не таясь. Шаогун густо покраснел, а Сюлань, вспыхнув от смущения, убежала из комнаты. Лань Сяньюй тут же принялась расхваливать хозяйку дома и узоры её дочери, чем быстро расположила к себе госпожу Ма.

Приблизившись к Ма Минвану, Шаогун вполголоса произнес:

— Дядя Ма, мой слуга Уди повредил ваших мертвецов и разбил Резной бронзовый колокольчик

дяди Нью. Мне крайне неловко за это. Вы оказали нам такой радушный прием... прошу, примите от меня этот скромный дар в знак признательности.

Ма Минван глянул вниз: Шаогун протягивал ему под столом изящный расшитый мешочек. Решив, что там пара монет, хозяин для приличия посопротивлялся, но всё же взял подношение. Однако на ощупь содержимое оказалось странным. Приоткрыв край, он замер: внутри сияли чистейшим, ровным светом белоснежные жемчужины.

— Дядя Ма, — продолжал Шаогун, — возможно, вы слышали предание о «Возвращении жемчуга в Хэпу». В древности в округе Хэпу добывали бесценный жемчуг. Но алчные чиновники требовали всё больше, разоряя ловцов и истощая море, пока жемчужницы вовсе не исчезли. И лишь когда на пост заступил мудрый Мэн Чан, он искоренил пороки и установил порядок. Жемчуг вернулся, а народ обрел покой.

Ма Минван слушал, завороженный блеском драгоценностей и красноречием юноши.

— В моих глазах Врата Духовной Настройки подобны тому самому округу Хэпу. Алчные Тэн Бао и Фу Лин были теми самыми чиновниками, что губили всё живое. Вы же с дядей Нью — люди честные, не запятнавшие себя их злодеяниями и знающие сострадание. Вы — истинные последователи Мэн Чана. Уверен, под вашим началом «жемчужины» Врат — эти несчастные девушки — снова засияют прежним светом.

Слова Шаогуна попали в самую цель. Сравнение с жемчугом было столь лестным и точным, а щедрость юноши — столь бескорыстной, что Ма Минван растрогался.

— Племянник, после таких слов я просто не могу отказаться. Признаться честно, мы с Нью Апаном не звери какие. Вчера в Гостинице мертвецов мы и не думали вредить твоему слуге Умину. Это было лишь представление — наши мертвецы выглядели свирепо, но это была чистая бравада.

Шаогун оцепенел. Только сейчас он понял, что Умин и Ма Минван обо всём договорились заранее, решив руками «Бедствия болезни» убрать конкурентов в борьбе за власть.

Для Ма Минвана выгода была очевидна: вся власть в секте возвращалась к нему.

А он... он-то верил, что Умин при смерти! Верил, что тот подставился под удар лишь из преданности и покорности!

Пока он обливался слезами и дрожал от страха, Умин преспокойно разыгрывал комедию, уютно устроившись на руках у Уди и слушая его глупые причитания...

— Этот мальчишка... — прошипел Шаогун сквозь зубы. — Поистине невыносим!

<http://bllate.org/book/17481/1694626>